

5. Лыков А. Г. Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики // Лексикология. Тезисы 2-ой межвузовской конференции. М., 1990. С. 76-80.
6. Миськевич Г.И. Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970. С. 243-272.
7. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
8. Попов Р. Н. Фразеологизмы русского языка с архаичными значениями и формами слов. М., 1976.
9. Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В. Неология и неография современного русского языка: Учебное пособие. М., 2005.
10. Сенько Е. В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ, 1994.
11. Соловьева А. Д. Фразеологизм как мотивирующая единица // Проблемы лексической и словообразовательной мотивации в русском языке. Барнаул, 1986. С. 127-134.
12. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
13. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка. М., 2004.

*Зифа Какбаевна ТЕМИРГАЗИНА —
зав. кафедрой теоретической и прикладной
лингвистики Павлодарского государственного
педагогического института (Казахстан),
доктор филологических наук, профессор.*

УДК 81Г1

ВЕРБАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается феномен вербальной агрессии с коммуникативно-прагматических позиций. Предлагается дифференциация ее с точки зрения способа языковой репрезентации на прямую и косвенную, а также анализируется один из типичных сценариев проявления вербальной агрессии в русском языке.

On this article the verbal aggression from the communicative-pragmatic viewpoint is considered. The differentiation it from the direct and reported, and it is also analyzed from its typical script of manifestation of the verbal aggression in the Russian language.

Речевую (вербальную) агрессию в лингвистике последних лет понимают по-разному. Во-первых, как стилистическую тенденцию, характеризующуюся проникновением в литературную речь «нелитературных» стилей - просторечия, жаргона, арго. В рамках этого подхода рассматривается так называемая «криминализация» речи. Во-вторых, значительное увеличение частотности употребления пейоративных лексических средств в современной русской речи, как устной, так и письменной. В-третьих, более узко эту проблему рассматривают в когнитивной лингвистике при исследовании военной лексики как базового источника образных метафорических выражений.

В своей работе мы предлагаем взглянуть на вербальную агрессию как специфическое сугубо коммуникативно-прагматическое явление и определить ее свойства именно с этих позиций.

Вербальную агрессию можно отнести к разряду деструктивного межличностного общения. В него включают те формы и особенности межличностных коммуникативных контактов, которые пагубно, разрушительно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения. В психологии к видам деструктивного общения, помимо вербальной агрессии, относят манипулятивное

общение, авторитарный стиль, осложнение отношений вследствие патологической ревности, зависти, нарциссизма [1; 398].

С точки зрения психологов, в основе вербальной агрессии лежат личностные черты коммуниканта-источника агрессии: мстительность, язвительность, лицемерие, хитрость, склонность к клевете, цинизм, ханжество и т.п. Мотивом вербальной агрессии не всегда выступает личная материальная выгода, ею могут двигать и осознанные либо неосознанные желания самоутверждения, злорадства, мести, соперничества.

Сущность вербальной агрессии как коммуникативного явления заключается в нападении одного из коммуникантов, выступающего в роли агрессора, на другого с помощью такого «оружия», как слово, речь. Использование речи в межличностном общении в качестве орудия агрессии — явление, давно известное и издревле отмечаемое в различных культурах. Американский психолог Патрисия Эванс определяет вербальную агрессию как «средство контроля и подавления другого человека» [2; 12]. Она противопоставляет ей другую коммуникативную стратегию — сотрудничество на равных, сотворчество и взаимное стремление строить отношения.

Коммуникативная стратегия доминирования и подавления может иметь явные и скрытые формы. Соответственно, вербальная агрессия также проявляется в явных, прямых речевых поступках говорящего либо в скрытых, неявных, косвенных высказываниях. К явным формам можно отнести, в первую очередь, речевую тактику открытого оскорбления, или «обзывания» партнера по общению путем использования резко негативной, пейоративной оценочной лексики; во-вторых, речевую тактику открытого принижения профессионального, социального, национального, личностного статуса партнера.

Наиболее интересным в прагматическом отношении нам кажется второй случай. В русском языке существуют типичные сценарии межличностного общения, в которых реализуется эта тактика. Например: **А. Кто ты такая? Ну кто ты такая, чтобы так со мной разговаривать / вести себя / относиться ко мне? Я начальник / директор / доктор наук / двадцать лет здесь работаю, а ты здесь никто / пустое место / ничтожество / без году неделю работаешь!** **Б.** (растерявшись, молчит). Такую ситуацию в своей жизни многие либо наблюдали со стороны, либо становились ее непосредственными участниками в роли жертвы агрессора.

Риторический вопрос в самом начале речевого акта создает «эффект моментального оглушения» собеседника: хотя на него как будто не требуется ответа, но тем не менее он сразу переключает мысли человека на него самого, на выяснение причин, почему ему задается подобный вопрос, где он перешел рамки своих прав, или не выполнил обязанностей, или нарушил нормы поведения. Кроме того, этот вопрос нужен инициатору для того, чтобы далее ответить на него самому и пояснить, кто же на самом деле его собеседник. Таким образом, вопрос носит не совсем риторический характер, поскольку ответ на него дается, но не собеседником, а самим спрашивающим.

Напор вербальной агрессии вызывает типичную реакцию жертвы — растерянное молчание, смятение, затем через некоторое время какой-то лепет в свое оправдание либо ответную агрессию. Вербально речевое поведение жертвы маркируется высказываниями с иллокутивной функцией оправдания, обычно начинающимися с выражений «**Я просто / только / всего лишь хотел...**». Растерянность жертвы объясняется тем, что она пытается логически осмыслить претензии говорящего, которые на первый взгляд как будто подтверждаются: «Да, действительно, он на самом деле ее начальник / директор / доктор наук /

давно здесь работает, а она всего лишь подчиненный/ аспирант/ недавно здесь работает и, вероятно, **виновата** в том, в чем он ее обвиняет'.

Итак, цель вербального агрессора достигнута: человек чувствует себя униженным, виноватым (хотя не понимает, в чем именно). Агрессор путем использования речевой тактики принижения статуса партнера «компенсаторным» путем повышает свой собственный статус.

Психологическая разрушительная сила актов вербальной агрессии настолько велика, что поражает не только тех, на кого она непосредственно направлена, но и тех, кто оказывается их невольными свидетелями. Они ощущают психологический дискомфорт, эмоциональное потрясение, их реакции примерно следующие: «не знали, куда деться», «хотелось спрятаться подальше», «хотелось заткнуть уши», «было стыдно за (агрессора)», «было жалко (жертву)».

Как жертве агрессии выбрать правильную линию поведения в подобной ситуации? Во-первых, не пытаться применять к проявлениям речевой агрессии логику здравого смысла, поскольку они не поддаются логическому анализу; во-вторых, однозначно определять их как агрессию по отношению к себе (а не как нервный срыв «бедного», измученного работой и разными проблемами начальника) и, в-третьих, не применять речевые тактики оправдания или объяснения, а прервать агрессивный выпад с помощью реплик: *Пожалуйста, прекратите беспочвенные обвинения! Довольно этих беспочвенных обвинений!* и т.д.

Речевая тактика твердого, решительного, бескомпромиссного прерывания акта вербальной агрессии с помощью выражений *Довольно/ Хватит/ Прекратите* является очень действенной. Она нередко сопровождается оценочной квалификацией, во-первых, интенциональной стороны вербальной агрессии: *Довольно этих беспочвенных обвинений!*, во-вторых, самой сущности агрессии как нападения *Хватит безосновательных нападков на меня!* Подобное однозначное определение речевого поведения агрессора (*беспочвенные обвинения, безосновательные нападки, истерика*) дает ему понять, что его коммуникативная стратегия раскрыта, ему не удастся замаскировать ее под «заботу об интересах дела или самого человека», под «желание сделать как лучше».

Необходимо добавить, что тактика решительного прерывания акта вербальной агрессии не должна сопровождаться оценкой эмоционально-психологической стороны поведения агрессора (например, *Перестаньте орать/ кричать на меня! Прекратите истерику! Хватит беситься! Вы что, с ума сошли?*) либо отрицанием его коммуникативного статуса и полномочий (*Вы не имеете права так разговаривать со мной! Какое право вы имеете кричать на меня?* и т.п.), поскольку подобная реакция будет воспринята им как ответная агрессия. Все это в конечном счете будет способствовать дальнейшей эскалации конфликта, нагнетанию агрессии и приведет к окончательному разрыву межличностных отношений, что особенно нежелательно для служебных взаимоотношений.

В ситуации вербальной агрессии не будет иметь успеха и речевая тактика уклонения от разговора, когда жертва, чтобы в какой-то степени прийти в себя и обрести некоторое душевное равновесие, может предложить перенести разговор на другое время: *Давайте поговорим после/ позже/ когда вы успокоитесь/ когда вы придете в себя.* Но агрессор понимает, что в этом случае будет утрачено одно из его преимуществ — неожиданность нападения.

Как мы видим, в рассматриваемом нами сценарии вербальной агрессии активно используются речевые акты обвинения. Необходимо заметить, что иллокутивная цель обвинения сама по себе, по своей интенциональной природе направлена против человека — против обвиняемого, но если она осуществляется в рамках коммуникативной стратегии вербальной агрессии, то оно становится просто «смертельным» оружием нападения.

В этом случае обвинение характеризуется категоричностью, безапелляционностью со стороны обвиняющего, а также однозначно интерпретируется адресатом как безосновательное, беспочвенное, поскольку он не считает его мотивированным какой-либо веской причиной: если и имеется какой-либо проступок с его стороны, то подобная агрессия не является адекватной реакцией на него.

Нередко при интерпретации вербальной агрессии, осуществляемой адресатом либо наблюдателями, акцент делается на эмоционально-психологической характеристике поведения агрессора, его речи, о чем мы говорили выше. Так, при описании акта вербальной агрессии говорят, что «он/она закатил(а) истерику», «вышел/вышла из себя», «бесновался/ась», «орал(а)» и т.п., поскольку вербальная агрессия часто сопровождается эмоциональным возбуждением агрессора, проявляющимся в интенсивной жестикуляции, в повышении голоса до крика.

В нашей работе мы рассмотрели лишь один из наиболее распространенных сценариев речевой агрессии, знание которого необходимо человеку в повседневном общении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куницына В.Н. и др. Межличностное общение. СПб, 2002.
2. Как справиться с вербальной агрессией. М., 2004.

*Диана Фаридовна ХАКИМЗЯНОВА —
преподаватель Института языков
Казанского государственного университета*

УДК 811.512.145'37

ВЛИЯНИЕ НА ПРОЦЕСС ДЕРИВАЦИИ АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В СИСТЕМЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ НАНЕСЕНИЯ УДАРА РУССКОГО, ТАТАРСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена лексико-семантическим связям глаголов. Семантическая классификация глаголов основывается на делении глаголов на поля: действия, состояния и отношения. В работе глагольная деривация рассматривается на примере акциональных глаголов нанесения удара русского, татарского и английского языков.

The article is concerned with lexical-semantic relations of verbs. Semantic classification of verbs is based on differences of meanings of verbs and on their division to three fields: action, state and relation. In the work verb derivation is explored on the example of action verbs of striking of Russian, Tatar and English languages.

Лексико-семантические поля, лексико-семантические группы и варианты слов стали предметом лингвистического анализа относительно недавно, и постепенно заметно возрос интерес к лексико-семантическим исследованиям. Об этом свидетельствует появление ряда специальных работ, посвященных данной проблематике, и словарей, составленных по принципу лексико-семантической принадлежности лексем. Так как главенствующая роль глагола в системе языка очевидна, глагольное слово как часть речи одним из первых привлекло к себе внимание исследователей. К семантической классификации глагола обра-